

Григорий Померанц

Поиски русской ментальности

В хорошо продуманной статье А.Кончаловского¹ есть узелок, который хочется распутать. Приведем сразу цитату:

«Мне кажется, что определение “крестьянская культура” сбивает с толку, несмотря на свою историческую точность. Многие воспринимают это определение ложно. Даже Евгений Ясин, когда я назвал Россию страной с крестьянской ментальностью, вмешался в полемику и заявил, что большинство российского населения теперь живет в городах. В том-то и дело, что крестьянская этика сохраняется не только среди тех, кто работает на земле, ее придерживаются и те, кто работает на заводах, в банках и даже в Кремле! Можно забыть своих крестьянских пращуров, но исповедовать те же самые ценности, хотя бы принцип доверия только самым близким, желательно родственникам...»

Но, как оказывается дальше, спор идет не о кумовстве, свойственном и дворянам (вспомним Фамусова), не об отдельных чертах, а о некоторой

¹ Русская ментальность и мировой цивилизационный процесс.

модели Латинской Америки, созданной Харрисоном после двадцати лет исследований: «культура – это логически связанная система ценностей, установок и институтов, влияющих на все аспекты личного и коллективного поведения». Эту схему (одну из нескольких сот моделей культуры) предлагается использовать для понимания нынешнего русского общества.

Однако история России в XX веке так не похожа на историю Аргентины или Бразилии, что меня берут сомнения. Если взять за исходный пункт Россию 1913 года, то это страна, в которой стремительно развивается промышленность, а сельское хозяйство снабжает пшеницей весь мир. И вдруг – разлом. Бунт армии, уставшей от войны, позволяет коммунистам взять власть и строить свою утопию. Раздражение от неудач, загнанное внутрь, вызывает неслыханные волны террора. Лавина доносов стремится навстречу власти. Некоторые действия Сталина граничат с безумием: невозможно оправдать ликвидацию 80% высшего комсостава и 50% среднего на пороге войны. Сталин растерян. Когда война началась, количество пленных превосходит численность вермахта. Неслыханные потери на войне, неслыханное число заключенных в лагерях, ссылки целых народов, подготовка второго

Холокоста – все это было только у нас. И только у нас шел ряд неполных и всегда неудачных реформ после Сталина, а за ними – распад Союза. Можно ли это сравнить с любой страной Латинской Америки?

Лет пятьдесят тому назад попадались люди, еще сохранившие навыки свободного труда. Солженицын изобразил это в Иване Денисовиче. Но Иван Денисович – реликт прошлого. Сегодня Ивана Денисовича не сыскать. Просчет сталинских пятилеток был в том, что люди, загнанные в колхозное и лагерное рабство, надолго сохраняют волю к труду. Это не получилось. Народ приспособился к рабству. Экономисты мне говорили, что треть продукции, шедшей на потребление, присваивалось хищениями. Образ Ивана Денисовича был дополнен другим образом. У кого-то из крестьянских писателей описано, как старик, вышедший из лагеря, решил помочь сыну. Но привычка – вторая натура. За целый день он создал только видимость труда. Сталинский поворот к рабскому труду дал короткий эффект – и долгий надрыв в сознании, с которым советская власть все меньше и меньше справлялась, и в конце концов вовсе не справилась.

Перечислим четыре пункта, заимствованные у Харрисона для понимания российской ментальности:

1. Радиус доверия. «Способность отождествлять себя с другими членами общества, сопереживать, радоваться успехам другого и огорчаться неудачам – вот что определяет доверие. В большинстве отсталых стран радиус доверия преимущественно ограничен семейным кругом...» Ничего не напоминает? Ни на что не похоже? Слушайте дальше...»

2. Жестокость морального кодекса. «Обычно источником системы этики и морали является религия. В разных конфессиях мера ответственности различна. Более того, проступки и нарушения морали возможно или невозможно искупить. Отсюда в разных культурах индивидуальная ответственность личности очень различна».

Кончаловский не комментирует этого. Возможно, он предполагает всем известную неэффективность православия в экономике. Но православная Россия в 1913 г. развивалась ничуть не хуже католической Франции. Моральный кодекс был жесток у меньшинств (в частности, у староверов), но развивалась Россия в целом. Этот секрет никак не раскрывается.

Столыпинские реформы разрушали общину, выделяя инициативных хозяев на отруб. Революция это отменила. Но Бухарин, в годы НЭП-а, вернулся к

поддержке инициативных хозяев. Подобный путь был закрыт только Сталиным.

Вообще п.2 можно по-разному понять, и не случайно Кончаловский в этом пункте отказывается от комментариев. А между тем, именно здесь они нужны. Именно здесь лежит путь в духовную глубину, которая сказывается иногда и в труде. Но здесь следов размышления у Кончаловского нет. Между тем, русская ментальность не сводится к одному человеческому типу. У Федора Павловича Карамазова четверо сыновей, и все они по-русски ментальны, но как по-разному: и в нациях это так. Нация – система противоположных типов, она не шагает в ногу, как воинская часть.

В схеме Кончаловского предполагается какая-то единая народная ментальность. Но еще мой учитель, Л.Е.Пинский, расчленил библейскую ментальность на три контрастные группы: Иисус – Иуда, Патриарх – Пророк, Соломон – Самсон... Я тут же нашел контрастные пары в европейских нациях. Скажем, мистер Пиквик и мистер Домби; аббат Жером Куаньяр (у Анатоля Франса) и Жан Кристоф (у Роллана). На контрастной паре построен образ народа в «Капитанской дочке» (Пугачев – Савельич). Подобие есть и у Толстого (партизан Тихон Щербатый и Платон Каратаев). Но у Достоевского, в «Карамазовых»,

подчеркнуто другое: текучесть границ между типами. У Федора Павловича четыре сына. Но только Алеша более или менее соответствует задуманному образу. У трех остальных – неожиданные повороты: Смердяков вешается (хотя в жизни смердяковы к этому не склонны), Иван сходит с ума и беседует с чертом, а Митя изменчив, как Протей. И эта переменчивость – тоже всемирный закон.

Разве за десять лет до 1793 года можно было угадать Робеспьера, Марата, Дантона? На моей памяти круто менялись и русские. В 1940 г. пошла в ход поговорка: «моя хата с краю, ничего не знаю». Война одних склонила сдаваться в плен, а других – держаться до последнего патрона. После Сталинграда дух войска выразила поговорка: «немцы нас научат воевать, а мы их отучим». На какое-то время чертой фронтовиков стала лихость и готовность перенести ее в мирное время. Сталин учуял это и ловко сманеврировал: дал выход энергии в эротическом мародерстве (ни одного человека не наказали за руководство «хором», т.е. групповым изнасилованием; число изнасилованных достигает 150 тыс. женщин). А потом начались новые репрессии. И все снова стихло. Однако перейдем к п. 3.

3. Использование власти. «В Латинской Америке власть традиционно воспринимается как право на

обогащение... Что-то знакомое, правда?» Но граф Витте, выйдя в отставку, нуждался в деньгах. И Столыпин ничего не нажил. В Индии и в Китае власть издавна связана с обогащением; как же получилось, что обе страны вдруг вышли в лидеры современности? Видимо, в некоторых культурах есть глубины, которые дают сдвиги, недостижимые поверхностными схемами.

Наконец, п. 4. Отношение к труду, новаторству, богатству. «В отсталых странах к труду относятся как повинности. Работают, чтобы жить. В динамических – живут, чтобы работать».

Подумаем, однако, какими зигзагами шла Россия. Петр I бесспорно жил, чтобы работать, чтобы ломать старую Россию и создавать новую. А потом страна полвека «обрастала шерстью», по выражению Щедрина, отдыхала от петровских экспериментов, рожала детей и «работала, чтобы жить». Но жить уже вне той изоляции, в которой Россия оказалась после татарского нашествия и падения Византии. Жить – в Европе, по-европейски. Разумеется, мужиков это не касалось, но перед верхним классом развернулась, как на сцене, вся Европа, – Германия, Франция, Англия, Испания, Италия, и все это была Европа, и образованный русский человек стремился вместить ее всю в целом, стать русским искателем вселенского синтеза.

Этого на свой лад достигла «тысяча», о которой говорил сыну своему Версиров, в романе «Подросток», и в романах Достоевского, действительно, родился русский образ Европы как целого, русский всеевропейский дух. Этот дух вызвал в общественной жизни реформы Александра II, сдвинувшие Россию с места, начавшие историю России как современной европейской державы. Но с тяжелым гнетом, легшим на спины народа и давшим взрыв, которым сумел овладеть Ленин, увлеченный своей утопией, а потом все это прибрал к рукам Сталин.

Надо отдать ему должное. Он создал свой гибрид коммунизма с шовинизмом, инерция которого и по сей час не выдохлась. И овладев страной, повернул обратно дело Петра. Культуру, которую Польша Валерии сравнивал с веком Перикла и Ренессансом, он придавил сапогом и связи с Европой обрубил, загнал Россию в новую изоляцию. Сейчас все это рухнуло, но живых сил, способных создать новую демократию, не оказалось. Сталин основательно все вырубил, а новая власть досталась финансовым мародерам, сжавшим в кулак деклассированную массу. Массу бывших крестьян.

Что тут делать? Для меня – продолжать то, что начал, постепенно собирая свою группу творческого меньшинства, слава Богу, – не единственную. И слава

Богу, – возможную в той ограниченной свободе, которая у нас осталась после Горбачева и Ельцина. И на том спасибо. Смогут ли эти искорки зажечь костры и согреть чьи-то сердца, и сложится тысяча, о которой Версиков говорил Аркадию? И сможет ли это помочь в трудные годы, которые еще ждут нас, когда кончится и нефть, и пресная вода, и многое другое? Мы можем только приступить к этой задаче. Решат или не решат ее наши внуки.